

ДМИТРИЙ БУДЮКИН

**АРИСТОКРАТИЯ
И ТРАДИЦИЯ
СВОБОДЫ**

Дмитрий Будюкин

Аристократия и традиция свободы

«Издательские решения»

Будюкин Д.

Аристократия и традиция свободы / Д. Будюкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539811-6

В книге проведен социально-философский анализ понятия «аристократия», дана характеристика аристократии как социальной группы и проанализирована ее роль в становлении либеральной традиции.

ISBN 978-5-00-539811-6

© Будюкин Д.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава 1. Понятие и типы аристократии	10
1.1. Определение аристократии. Соотношение понятий элиты, сословия, интеллигенции и аристократии	10
1.2. Типы аристократий	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аристократия и традиция свободы

Дмитрий Будюкин

© Дмитрий Будюкин, 2021

ISBN 978-5-0053-9811-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Современное общество находится в процессе постоянного изменения и развития. Существенные перемены затрагивают такие аспекты социальной системы, как легитимация власти и социальной иерархии, место и роль личности в обществе, соотношение свободы и равенства, место традиции в общественном сознании.

Долгое время вопросу о социальной роли аристократии в науке практически не уделялось внимания, а в нашей стране, где в XX веке историческая аристократия была утрачена, он вообще не обсуждался. Тем не менее в современных условиях актуальность данной темы возрастает. В России идет процесс формирования нового общества с новой социальной структурой. Имеют место попытки возрождения аристократии путем реставрации дворянского сословия; с другой стороны, происходит институционализация новой социальной элиты. В этой ситуации возникает необходимость социально-философского определения понятия аристократии и установления ее социальных функций.

Одной из острейших социальных проблем XX века стала проблема социальной свободы. Связь тоталитаризма с утопией социального равенства по-новому поставила вопрос о соотношении равенства, свободы и традиции. Возникли предпосылки для осознания противоречий между свободой и равенством и связи между свободой и традицией. Таким образом, важным направлением в научной работе становится определение понятия традиции духовной и социальной свободы. После того, как народные движения XX века показали, что для масс существует приоритет социального равенства и национальной независимости перед индивидуальной свободой, возникла также необходимость установить социальные группы, являющиеся носителями идеала свободы и либеральных ценностей в обществе.

Таким образом, в современной социальной философии актуальны проблемы определения аристократии, выявления ее роли в обществе, установления взаимосвязей между категориями традиции и свободы, изучения традиции свободы в связи с аристократией, что и является предметом настоящей работы.

Связь между аристократией и традицией свободы еще не рассматривалась в социально-философской литературе. Для установления этой связи необходимо изучение работ, отражающих проблематику аристократии, традиции и свободы.

В ходе изучения аристократии необходимо обращение к социологическим теориям социальной структуры, и в первую очередь к теории элит, связанной с именами В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса¹. Теория элит очень важна для понимания аристократии, представляющей собой частный случай социальной элиты. В данной работе используются труды российских элитологов Г. К. Ашина² и Ж. Т. Тощенко³.

Изучение аристократии занимает важное место в творчестве Н. А. Бердяева⁴ и Х. Ортеги-и-Гассета⁵, рассматривающих философские аспекты аристократизма и его связь со свободой.

---

¹ Парето В. О применении социологических теорий: (О деградации аристократического сословия). // Социологические исследования, 1996, №2. Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия. // Социологические исследования, 2000, №1.

² Ашин Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность, 1995, №1. Ашин Г. К. Элитология в зеркале политической философии и политической социологии. // Социально-политический журнал, 1998, №6. Ашин Г. К. Дискуссии о структуре власти и структуре элит в США. // Общественные науки и современность, 2001, №1.

³ Тощенко Ж. Т. Элита? Клан? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования, 1999, №11.

⁴ Бердяев Н. А. О назначении человека. – М., 1993. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине. // Человек, 1997, №3. Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. – М., 1998. Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. – М., 1998. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. В 2-х т. – М., 1994.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Вопросы философии, 1989, №3., 4. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.,

Взгляды Ортеги-и-Гассета на социальную роль аристократии и ее связь с традицией свободы анализируются в диссертации Е. В. Деревянко «Аристократическая версия общественного идеала в социологии Х. Ортеги-и-Гассета»⁶. Проблематике аристократии и аристократизма уделяется существенное внимание в философско-этической системе Ф. Ницше⁷.

В контексте данной работы очень важны труды историка А. Л. Янова, путем анализа ключевых событий российской и европейской истории показавшего, что наличие аристократии в обществе является главным фактором, препятствующим возникновению деспотизма и формирующим традицию общественно-политической мысли и социальной свободы⁸.

Для понимания аристократического мировоззрения и образа жизни используются воспоминания и размышления деятелей прошлого, среди которых следует отметить труды Шарля Луи де Монтескье, Франсуа де Ларошфуко и Луи де Сен-Симона⁹. Значительную важность для характеристики роли аристократии в социальном развитии и ее отношения к религии представляют труды Макса Вебера¹⁰.

Частные проблемы аристократии находят свое отражение в исторических и генеалогических исследованиях. Многочисленные труды историков, в том числе и не посвященные специально истории аристократии, обеспечивают необходимый для данного исследования фактический материал. Важную роль играет возрождение российской генеалогии, ставшей одним из важных направлений исторических исследований. Российские генеалоги (С. В. Думин, В. П. Старк, М. В. Майоров и другие) провели большую работу по собиранию и систематизации российского родословного материала¹¹.

Начало философскому исследованию проблемы традиции было положено консервативными мыслителями XIX века – Ж. де Местром, Э. Берком, Л. де Бональд, Ф.Р. де Шатобрианом. Тем не менее ими не было определено понятие традиции. Польский философ Е. Шацкий привел в систему основные подходы к пониманию традиции и на их основе сформулировал ее определения¹². Разработке проблематики традиции посвящены многочисленные и важные работы традиционалистов – Р. Генона, Т. Буркхардта, М. Элиаде¹³.

Проблеме свободы посвящено огромное количество философских трудов. В данной работе не проводится подробный и всеобъемлющий анализ этой проблемы, который может быть только предметом самостоятельного исследования, и обращение к проблематике свободы здесь обуславливается ее связью с аристократией. Различные аспекты свободы изучались практически всеми крупнейшими философами. В античности к этой проблеме обращались Платон, Аристотель и Эпикур; в Средние века свободу в связи с проблематикой христианской теологии рассматривали Августин и Фома Аквинский. Изучение свободы обрело систематический и законченный вид в трудах Б. Спинозы, И. Канта, Г.В. Ф. Гегеля. Для понимания свободы важна разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом теория диалектического и исторического

1997. Ортега-и-Гассет Х. В гуще грозы. // Иностранная литература, 1998, №3.

⁶ Деревянко Е. В. Аристократическая версия общественного идеала в социологии Х. Ортеги-и-Гассета. – Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 – М., 1992.

⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. – М., 1999. Ницше Ф. Воля к власти: Сочинения. – М., 2003.

⁸ Янов А. Л. Россия: у истоков трагедии. 1462—1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. – М., 2001. Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма. 1825—1921. – Новосибирск, 1999.

⁹ Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. – М., 1993. Сен-Симон Л., герцог де. Мемуары. В 2-х т. – М., 1991.

¹⁰ Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.

¹¹ Дворянские роды Российской империи. Т. 1—3. Князья. / Под ред. С. В. Думина. – СПб.; М., 1993—1996. Дворянская семья. Из истории дворянских фамилий России. / Сост. и науч. ред. В. П. Старк. – СПб., 2000. Майоров М. В. Русская родословная мозаика. Век XVI – век XXI. – М., 2002.

¹² Шацкий Е. Утопия и традиция. – М., 1990.

¹³ Генон Р. Очерки о традиции и метафизике. – СПб., 2000. Генон Р. Символы священной науки. – М., 2002. Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада. Принципы и методы. – М., 1999. Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 2000. Элиаде М. Йога. Свобода и бессмертие. – К., 2000. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. – К., 2002.

материализма. Дальнейшая разработка этой проблематики имела место в философии жизни (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), русской религиозной философии (В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский), неокантианстве (В. Виндельбанд), экзистенциализме (Ж. П. Сартр, А. Камю), неопрецидизме (Э. Фромм) и в других направлениях философской науки. Вопросы духовной и социальной свободы остаются постоянно актуальными, и современная философия активно занимается их изучением, обобщением и систематизацией¹⁴.

Проблематика социальной свободы была подробно разработана теоретиками либерализма. По отношению к тематике данной работы важна теория аристократического либерализма Ш.Л. де Монтескье. Развитие либеральных идей было продолжено Дж. Локком, А. Смитом, Дж. С. Миллем, К. Р. Поппером, Ф.А. фон Хайеком, Э. Рэнд и другими философами, социологами и политологами.

В книге разработано социально-философское определение аристократии; выявлены особенности основных исторических и цивилизационных типов аристократии, разработана их классификация; установлена взаимосвязь между свободой и традицией, раскрыто содержание понятия традиции свободы; показана связь аристократии с традицией социальной и духовной свободы; выявлена роль аристократии в формировании либеральной традиции.

Основные положения работы:

I. Аристократия является составной частью социальной элиты и определяется как общественная группа, образующаяся в результате устойчивой преемственности в формировании элит с высоким социальным статусом. Принципиально важную роль в формировании и сохранении аристократии играют гарантии права собственности.

II. Каждому историческому и цивилизационному типу общества соответствует свой тип аристократии. В основе предлагаемой классификации лежат два базовых типа аристократии: по происхождению и по имущественному статусу. Локальным типам культуры общества соответствуют типы аристократий, основные из которых – западная (европейская) и восточная.

III. Социальная свобода не только не отрицает традицию, но нуждается в ней как в главном условии своего существования. Относительно успешные попытки преодолеть устойчивую традицию возможны, как правило, путем жесткого ограничения социальной свободы. Между традицией и духовной свободой существует устойчивая взаимосвязь.

IV. Существует особая традиция свободы, как духовной, так и социальной. Традиция духовной свободы формировалась в рамках различных религиозных и философских учений в течение всей истории человечества. Важной составляющей традиции социальной свободы является традиция либерализма.

V. Аристократическая традиция свободы в средневековой Европе связана с замком, обеспечивавшим защиту феодала от государства. Важную роль в ее формировании сыграла германская традиция сакрализации происхождения, на которой основано осознание дворянством прирожденности своих прав и независимости от власти. Аристократия является носителем принципа политической свободы и его гарантом на протяжении всего средневековья, способствуя становлению и развитию европейской либеральной традиции.

VI. Отношение европейской аристократии к распространенным религиозным учениям показывает, что по своей природе аристократия чаще всего близка к католической церкви.

VII. Рассматривается проблематика взаимосвязи аристократической составляющей элитаризма и традиции духовной свободы. В этой связи показывается, что в эпохи Ренессанса и Просвещения значительно возрастает роль аристократии в развитии науки.

---

¹⁴ Напр.: Первушина В. Н. Взаимодействие социальной и духовной свободы. Автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.11. – Воронеж, 1998.

VIII. Проведенный историко-логический анализ закономерностей формирования и развития аристократии в Европе позволяет сделать вывод о том, что аристократия является одним из носителей традиции как социальной, так и духовной свободы.

IX. В течение XIX века в Западной Европе сформировалась аристократия современного типа, которая представляет собой устойчивую группу социальной элиты, образовавшуюся в процессе интеграции феодально-дворянской аристократии, высших слоев буржуазии, политической, военной, научной и культурной элит. Современная аристократия может возникать и без участия дворянства, как в США.

X. Современные локальные аристократии, сохраняя свои особенности и традиции, постепенно складываются в единую мировую аристократическую элиту. В современном мире аристократия сохраняет жизнеспособность и продолжает оставаться носителем традиции свободы.

Положения и выводы данного исследования могут служить в качестве материала для исследования аристократии в рамках социальной философии и других гуманитарных дисциплин. Они могут быть использованы в учебных курсах социальной философии, социологии, политологии, истории и других общественных дисциплин для изучения проблематики социальной структуры, традиции и свободы. Теоретические выводы диссертации могут быть использованы в сфере практической политики и управления.

Глава 1. Понятие и типы аристократии

1.1. Определение аристократии. Соотношение понятий элиты, сословия, интеллигенции и аристократии

Человеческое общество является сложнейшей системой, эволюционировавшей на протяжении многих тысячелетий. В течение всего этого времени оно постоянно менялось, приобретая новые формы как во времени – в процессе развития, так и в пространстве – в ходе дивергенции на различные локальные типы как результата адаптации к местным условиям. Любому типу человеческого общества необходимо присуща сложная и развитая структура. Зачатки иерархической организации свойственны уже многим видам животных. Восприняв многое из своего природного, дочеловеческого состояния, ставший разумным человек создал общественную структуру, не имеющую аналогов в природе. Иерархия человеческого общества, развитая и динамичная, есть важнейшее основание существования человека, которого еще Аристотель определял как «существо общественное»¹⁵; общество же всеобщего равенства, полностью лишенное иерархической структуры, невозможно даже представить.

В любом человеческом обществе обязательно существует элита – социальная группа, включенная в структуру иерархической пирамиды и несущая управленческие и культуuroобразующие функции. В течение длительного времени существование элит не привлекало особого внимания ученых и воспринималось как очевидная данность. Например, английскому политику второй половины XVII века Джорджу Севиллю, маркизу Галифаксу принадлежит высказывание: «Большая часть народа от природы глуха и пассивна, потому и не способна к какому-либо движению. Народ всегда нуждается в управлении»¹⁶. Крупнейший политический деятель и мыслитель времен провозглашения независимости США А. Гамильтон утверждал: «Все общества разделяют себя на меньшинство и большинство. Первые – это богатые и знатные, другие – это народные массы. ... Народ неустойчив и переменчив, ему редко доступны правильные суждения и решения»¹⁷.

Однако в конце XIX – начале XX веков на фоне глубоких изменений в социальной структуре и в общественном сознании возникла необходимость в научном осмыслении данного феномена. Этой цели было посвящено целое направление социологии – теория элит, основателями которого были В. Парето, Г. Моска и Р. Михельс. Изучение социальных элит активно ведется и сейчас, став предметом рассмотрения не только социологии, но также социальной философии и социальной психологии.

Итальянский социолог Вильфредо Парето (1848—1923) стал основателем теории элит. Применив строгий и точный метод для исследования социальных сил и положений экономического равновесия и при этом отклонив теорию исторического материализма, Парето разработал собственную социальную теорию. Согласно этой теории, в обществе существует специфический динамический фактор, движущая сила – элита, которая создает и совершенствует идеологию и при этом является основным фактором экономической активности. Для Парето характерна теория циклической сменяемости элит, отрицающая полезность их устойчивой преемственности и положительные качества наследственной аристократии.

---

¹⁵ Аристотель. Политика. // Мыслители Греции. От мифа к логике. – М., 1998. – С. 444.

¹⁶ Лабутина Т. Л. Георг Севиль Галифакс. // Вопросы истории, 1999, №4—5. – С. 61.

¹⁷ Цит. по: Паренти М. Демократия для немногих. / Пер. с англ. – М., 1990. – С. 94.

Парето был совершенно прав в том, что элита не должна превращаться в замкнутую касту, и ее пополнение лучшими представителями низших социальных слоев необходимо для нормального функционирования общества. Однако между сменяемостью и преемственностью необходим определенный баланс. С одной стороны, процесс циклической смены элиты контрэлитой у руля общества есть необходимое условие социального развития; с другой, доведенная до абсолюта социальная мобильность характерна для обществ с деспотическим политическим режимом и нестабильной властью. Такая мобильность дает общество, в котором раб может стать царем, а царевич может быть продан в рабство. В истории есть многочисленные примеры таких событий. А. П. Каждан отмечает, что, например, в Византии корпоративность и вассалитет были очень рыхлыми, что делало человека практически беззащитным перед всевластием государства. Императором мог стать даже конюх, но стабильности империи это не прибавляло. В свою очередь, западноевропейский средневековый мир создал прочную систему горизонтальных и вертикальных связей в виде ремесленных цехов, орденов, вассалитета, патроната и т. п. Эта система практически лишала человека социальной мобильности, но одновременно являлась хорошим буфером между ним и государством¹⁸. Существование такой системы стало важнейшим условием возникновения и развития привычной нам либеральной цивилизации европейского типа.

Немецкий политический социолог и историк Роберт Михельс (1876—1936) развивал идеи элитизма применительно к анализу закономерностей формирования и эволюции массовых общественных и политических организаций XIX—XX веков. Важнейшим вкладом Михельса в разработку теории элит является анализ процессов перерождения демократической организации в олигархическую, что объясняется им как проявление закона смены элит Парето. Михельс заметил весьма любопытную закономерность политической жизни нового времени: после того, как властные структуры начали формироваться на основе всеобщего, равного и прямого народного волеизъявления, аристократическое консервативное движение, отстаивающее ушедшие в прошлое формы политической жизни, ищет себе опору в низших социальных слоях и преобразуется в народную партию, в то время как либеральные политики опираются на слои состоятельных и образованных людей, рассматривая массы как неизбежное зло, которое может быть использовано для достижения чуждых либерализму целей. Таким образом, аристократические партии приобретают демократический характер, а демократические – аристократический¹⁹.

Для всех представителей теории элит общим является утверждение, что необходимыми элементами любой социальной структуры является высший привилегированный слой, осуществляющий креативные функции управления, развития науки и культуры, и остальная масса населения, выполняющая нетворческие репродуктивные функции. Однако сущность элиты понимается представителями различных направлений научной и философской мысли по-разному. Сторонники статусно-функционального подхода (Р. Миллс, Т. Дай) считают критерием принадлежности к элите социальный статус, предоставляющий его обладателям формальную власть в организациях и институтах и возможность диктовать правила организации жизни в обществе. Согласно нормативно-ценностному подходу (В. Парето, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби), главным в элите являются личные качества ее представителей, в первую очередь креативность и ответственность, которые и обеспечивают превосходство элиты над массами. Среди элитистов выделяется позиция американского леворадикального социолога Р. Миллса. В целом находясь на позициях статусно-функционального подхода к характеристике элиты и признавая деление американского общества на элиту и массы, он при этом является против-

¹⁸ Каждан А. П. Два дня из жизни Константинополя. – СПб., 2002.

¹⁹ Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия. // Социологические исследования, 2000, №1.

ником системы государственно-монополистического капитализма и обличает ограниченность западной демократии; таким образом, его идеал – антиэлитарный.

Различия между приведенными выше подходами к определению элиты не слишком глубоки. Действительно, в современном обществе в подавляющем большинстве случаев представители элиты обязаны своим социальным статусом определенным личным качествам; с другой стороны, интеллектуальные и моральные достоинства, не связанные с местом и ролью человека в обществе, едва ли могут служить основанием для выделения их обладателей в особую социальную группу. Согласно общепринятой классификации, основными типами элит являются политическая, экономическая, административная, военная, научная и культурная. Для каждого типа элиты один из подходов будет предпочтительным, а другой – дополнительным. Так, в основе военной и административной элит лежит статус, формально выраженный в должности, чине или звании; научная и особенно культурная элита формируется на основании неформальных критериев личных заслуг и общественного признания, а политическая элита совмещает формальный критерий должности с неформальным – харизмы и популярности.

Исходя из вышеизложенного, мы можем определить элиту как совокупность людей, которые в силу своего формального либо неформального социального статуса пользуются в обществе значительной известностью и влиянием, выполняют существенную управленческую или культуруобразующую функцию.

Следует отметить, что многие исследователи элит пытаются выделить среди формально-статусной элиты истинную, принимая в качестве критерия личные достоинства, которыми должны обладать ее представители. Например, Ж. Т. Тощенко²⁰ предлагает для обозначения высшего правящего слоя нейтральный термин «истеблишмент» и считает необходимыми атрибутами истинной элиты такие качества, как служение интересам общества, гражданственность, нравственность, высокий интеллектуальный уровень, преемственность в течение поколений. По нашему мнению, личные качества в силу их субъективно-психологической природы и значительной зависимости их внешних форм и проявлений от условий и традиций конкретного общества не могут быть положены в основу определения социальной группы и способны характеризовать только идеальный образ, которому согласно нашим пожеланиям должны соответствовать представители данной группы. Людей, отвечающих приведенным требованиям, мы определяем предложенным Ортегой-и-Гассетом термином «аристократия духа»; такие люди встречаются во всех слоях общества и не образуют отдельной социальной группы. Тем не менее в этом перечне упоминается и объективное социальное качество, на которое мы в контексте данной работы обращаем особое внимание, – преемственность в течение поколений.

Действительно, в процессе исторического развития структура общества усложняется. В силу естественных причин, таких как развитие юридического института собственности и ее наследования, а также традиционного наследования социального статуса и властных полномочий, в формировании элит возникает преемственность. Если непрерывная преемственность поддерживается на протяжении нескольких поколений, что возможно только при наличии определенных гарантий неприкосновенности и беспрепятственного наследования частной собственности, то в итоге возникает новая социальная группа, которую мы называем аристократия. Таким образом, в нашем определении аристократия – это общественная группа, образующаяся в результате устойчивой преемственности в формировании элит с высоким социальным статусом.

Принципиально важную роль в формировании и сохранении аристократии играют гарантии права собственности. Это не случайно, поскольку право собственности неразрывно свя-

---

²⁰ Тощенко Ж. Т. Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования, 1999, №11. – С. 123–133.

зано с другими личными, политическими и экономическими правами, являясь фактически их основанием. Уважения к личности нет без уважения к собственности, а уважения к собственности – без уважения к личности. Общественное значение права собственности было признано в полной мере идеологами борьбы за независимость США. Так, Джеймс Мэдисон, один из авторов американской конституции и впоследствии четвертый президент США, определяет собственность как все, чему человек придает ценность и на что имеет право, включая в это понятие не только землю, товары или деньги, но также взгляды и убеждения человека, его права и свободы. «Одним словом, если говорят, что кто-то имеет право на свою собственность, с равными основаниями можно сказать – он собственник своих прав»²¹.

В общепринятом представлении термин «аристократия», как правило, связан с дворянством и сословной организацией общества, но его реальное значение шире. Словарь определяет аристократию как высший, привилегированный слой господствующего класса, богатую или родовитую знать²². Очевидно, что смысл словарного определения в целом совпадает с приведенным выше, а их различие состоит в том, что языковой словарь имеет дело с общим смыслом слов, не давая четких терминологических дефиниций. Социально-философское определение аристократии как особой общественной группы впервые предлагается в данной работе.

В истории философии термин «аристократия» постоянно использовался на протяжении длительного времени в различных значениях. Первичное его значение прямо вытекает из буквального смысла этого греческого слова – «власть лучших». Для Платона аристократия – это именно правление лучших, форма государственной власти, при которой правят не богатые, не бедные, не знаменитые, но первенство принадлежит лучшим людям в государстве²³. Аристотель в «Политике» проводит более детальный анализ форм правления и различает безусловное правление лучших, свойственное идеальному государству, и реальную аристократию, которую он определяет как форму правления меньшинства (олигархии), при которой избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами²⁴. К аристократиям, по Аристотелю, относятся также типы государственного строя, промежуточные между демократией и олигархией, но более близкие к олигархии, ибо «люди, имеющие больший имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения»²⁵. Таким образом, с точки зрения древнегреческих философов аристократия – это форма правления меньшинства лучших граждан, которые должны обладать богатством и добродетелью. В политологии данное значение термина является основным и в наши дни.

В дальнейшем произошел перенос значения слова «аристократия» с формы государственной власти на социальную группу, которая в данном случае эту власть осуществляет. Понятно, что в других формах правления аристократия не обязательно является правящим классом; тем не менее ее характеристика как меньшинства лучших безусловно сохраняется. Подчеркнем, что аристократия при этом изначально характеризуется двумя основными атрибутами: богатством и совокупностью личных качеств, определяемых как благородство и подразумеваемых как результат длительной традиционной преемственности. Таким образом, очевидно практически полное совпадение с предлагаемыми Ж. Т. Тощенко требованиями к истинной элите.

В узком смысле аристократия часто определяется как сословие. В определенной мере это верно, так как в сословном обществе она несомненно является сословием (например, в фео-

²¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. – М., 1993. – С. 21.

²² Современный словарь иностранных слов. – СПб., 1994. – С. 63.

²³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М, 1998. – С. 158.

²⁴ Аристотель. Политика. – С. 560.

²⁵ Там же. – С. 561.

дальном – высшим слоем дворянства), выделяется четкими юридически закрепленными признаками и, как правило, играет особо важную роль. Значительная и наиболее традиционная часть современной аристократии укоренена в сословном обществе прошлого и является прямым и непосредственным продолжением дворянского сословия; с этой точки зрения мы можем говорить, что аристократия связана с сословным обществом и в определенном смысле является сословием. Однако эта связь не абсолютна, поскольку не все общества, имеющие развитую аристократию, являются либо были в прошлом сословными. Например, в США никогда не было сословного деления, а генетическая связь американского общества с европейским не только не привела к адаптации сословной системы, но, напротив, вызвала решительный отказ от всех ее элементов (в частности, дворянских титулов) уже во время борьбы за независимость. Тем не менее в США существовала и существует развитая аристократия, что подтверждается работами современных американских ученых²⁶.

В течение длительного времени после античной эпохи проблема аристократии практически не рассматривалась в рамках философии. Для средневековых философов иерархическое общественное устройство было самоочевидным, единственно возможным и не требовало никакого дополнительного обоснования. Иерархия земная отражала иерархию небесную, и ее обоснование прямо и необходимо вытекало из теократического общественного идеала средневековой традиции.

В эпоху Возрождения усилился интерес к личности и индивидуальной свободе. Тем не менее в социальном устройстве средневековая традиция полностью сохраняла свою силу как единственный источник легитимации власти. Поэтому аристократия как социальный феномен все еще не была специально подробно изучена. В качестве важного явления общественной мысли Ренессанса, имеющего отношение к разработке проблем аристократии, нужно отметить политический трактат Никколо Макиавелли «Государь». Посвященный рассмотрению достоинств и недостатков различных политических систем, он обращает на себя внимание разрывом с традиционной для средневековья теократической легитимацией политической власти, а также крайним этическим прагматизмом, оценивая правителя исключительно с точки зрения полезности для государства. Описывая типы монархической власти и способы ее сохранения и усиления, Макиавелли, конечно, не может обойти вопрос о месте аристократии в государстве. Рассматривая проблему исключительно с точки зрения монарха, он приходит к выводу о том, что сильная аристократия является важнейшей угрозой его власти. В менее известной работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли рассматривает в основном республиканское государственное устройство, уделяя значительно большее внимание нравственной стороне власти. Современные исследователи считают эту работу более соответствующей собственному мировоззрению Макиавелли. Как бы то ни было, и в «Государе», и в «Рассуждениях...» он остается в целом враждебным к аристократии, считая ее «решительным врагом всякой гражданственности»²⁷ и источником смуты и нестабильности при любом государственном устройстве. Макиавелли был одним из величайших политических мыслителей, и он был прав в описании недостатков аристократии. Тем не менее этатизм, определявший его мировоззрение, помешал ему представить и оценить губительные последствия ее отсутствия и неразвитости.

Буржуазная идеология Реформации, английской и французской революций окончательно разрывала связь со средневековой политической традицией. Традиционная легитимация монархической власти и социальной иерархии, опирающаяся на божественные установления, была решительно отвергнута. В результате стремление к равенству и справедливому общественному устройству сделало аристократию и ее привилегии мишенью для критики и насме-

²⁶ Baltzell E.D. The protestant establishment. Aristocracy and caste in America. – N.-Y., 1966.

²⁷ Макиавелли Н. Государь: Сочинения. – М., 1998. – С. 177.

шек. На смену аристократическому либерализму Вольтера и Дидро пришли эгалитарные теории Руссо. Подрыв устаревшей, но единственной на тот момент системы легитимации власти и социального неравенства привел к расцвету теорий, отрицавших неравенство вообще и имевших целью принципиальное изменение всей социальной системы.

Трагические последствия Великой французской революции вызвали к жизни консервативные теории. Наиболее ярким из консервативных мыслителей начала XIX века был Жозеф де Местр, разработавший направленное на возрождение старой традиции учение о теократическом и иерархическом общественном устройстве. Важная роль Местра в истории философской мысли состоит в том, что он внес значительный вклад в разработку учения об объективных законах общественного развития. В рамках своей социальной теории Местр естественно приходит к важному для нас выводу о том, что аристократия является необходимой частью всякого нормального общества.

Английский мыслитель Томас Карлейль привлек внимание к роли героических личностей в истории и культуре, но он был скорее писателем, чем философом, и не создал единой и завершенной концепции. Продолжателем этого направления стал Фридрих Ницше, которому удалось разработать целостную и законченную философскую систему. Этот пламенный пророк, так резко отличавшийся от своих предшественников и современников, создал философию и этику аристократизма. Творчество Ницше воспекает силу, красоту и незаурядность, все, что возвышает героя-сверхчеловека над массами. Он отвергает жалость и милосердие и провозглашает волю к власти основной движущей силой человечества. Христианство ненавистно Ницше своим вниманием к слабым и обездоленным «недочеловекам» и тем, что всегда призывало к смирению страстей и желаний, в которых философ видит главную ценность человеческого бытия. Аристократия Ницше – это реальная и историческая родовая аристократия; аристократия без хорошего происхождения для него немыслима. Превосходство аристократа является природным и биологическим, аристократизм по Ницше есть воля, энергия и мужество. Аристократия – единственный носитель истинной культуры и истинной этики, социальная группа, изначально предназначенная управлять массами.

Теории Ницше вызвали к жизни множество дальнейших спекуляций и искажений. Особенно одиозной выглядит их мнимая близость к идеологии германского нацизма. Иллюзорность этой близости становится очевидной, если попытаться сравнить вождей Третьего Рейха с ницшеанским сверхчеловеком и национал-социалистическую партию с аристократией. Между ними очень мало общего, и созданное нацистами представляет собой грубую пародию на ницшеанский идеал, доходящую до полного его отрицания. Значение творчества Ницше для мировой философской мысли огромно, и в данной работе следует особо отметить его выдающуюся роль в создании философии аристократии и аристократизма.

Среди крупнейших философов XX века проблемам, связанным с аристократией, особое внимание уделили Н. А. Бердяев (1874—1948) и Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955). Особого внимания заслуживает тот факт, что оба много занимались разработкой проблем свободы и рассматривали аристократию в связи со свободой. Бердяев, потомок старинного русского дворянского рода, после юношеского увлечения марксизмом обратился к исследованию проблемы свободы, которое стало основой всего его творчества. С точки зрения философии аристократии важнейшим трудом Бердяева является «Философия неравенства». Эта книга в первую очередь выразила реакцию Бердяева на события Октябрьской революции – гнев и возмущение; но ее философское значение находится над временем и конкретной ситуацией. В этой работе философ открыто и недвусмысленно провозглашает основополагающие принципы своей философии аристократизма. Свобода есть прежде всего право на неравенство, а равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы²⁸. Нера-

²⁸ Бердяев Н. А. Философия неравенства. // Судьба России: Сочинения. – М., 1998. – С. 605.

венство есть условие развития культуры. И в Царстве Божием будет неравенство. С неравенством связано всякое бытие²⁹. Для Бердяева свобода существует прежде бытия, и при этом свобода аристократична, она обращена к личности и связана с индивидуальным творчеством. Так великому русскому философу удалось охарактеризовать взаимосвязь и взаимообусловленность аристократизма и свободы.

Важно, что вслед за Ницше и в отличие от Ортеги Бердяев утверждает значение и связь со свободой именно исторической, родовой аристократии. Значение этого момента возрастает еще более, поскольку вопросы традиции не занимали важного места в философии Бердяева, а родовая преемственность вызвала у него отталкивание: как он пишет, «род всегда представлялся мне врагом и поработителем личности. Род есть порядок необходимости, а не свободы»³⁰. Пламенному духу Бердяева было тесно и неудобно в материальном мире, к которому он испытывал почти манихейскую неприязнь. Тем более он не мог уважать краугольные камни земного аристократизма – родовую традицию и собственность; но, оторвавшись от этого фундамента и пытаясь взглянуть на мир с вечных небес, Бердяев видит огромное значение реальной, земной аристократии для утверждения вечной свободы в земном мире.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в первую очередь известен как автор «Восстания масс». Он написал много других замечательных работ, посвященных проблемам социальной философии, философии науки, культуры и искусства, но именно «Восстание масс» обессмертило его имя. В этой книге Ортега выражает обеспокоенность и возмущение распространяющейся и утверждающейся власти масс – серой и невыразительной посредственности и решительно отстаивает неотъемлемое право личности отличаться от других, без чего не может быть ни свободы, ни творчества. Социальная философия и общественный идеал Ортеги аристократичны по своей природе, и первостепенную роль в них играет элита. Однако, если у Бердяева и у традиционалистов социальная иерархия обосновывается трансцендентными ценностями, то у Ортеги принадлежность к элите определяется одной лишь жизненной позицией индивида, аутентичностью творческого порыва, противопоставленного косности массы³¹.

Ортега, испанец-католик по рождению, по духу – скорее протестант. Он любит и ценит деятельность, труд, то, что создано человеком, а не даровано ему, и из этого равнодушия к данному вытекает отсутствие интереса к природе и доходящее до враждебности безразличие к традиции³². Традиция для него есть нечто внешнее и мертвое, не имеющее никакого отношения к духу и творчеству. Это пренебрежение к ней приводит Ортегу к резко негативному отношению к исторической аристократии, которую он не только не относит к аристократии духа, но считает не более и не менее как одним из видов недочеловеков, людей-выродков (!), появляющихся из-за чрезмерного изобилия жизненных благ³³. Конечно, испанские гранды после многих веков господства мрачного деспотизма власти и изуверского фанатизма инквизиторов действительно представляли собой не слишком воодушевляющее зрелище; однако вряд ли у нас найдутся основания вслед за Ортегой приписывать наследственной аристократии в целом «особый идиотизм, не имеющий подобий» и предсказывать неизбежность ее «безнадежного вырождения»³⁴.

В современной социальной философии различные аспекты проблемы аристократии изучаются в основном элитами и традиционалистами. Аристократия является также пред-

²⁹ Там же. – С. 648.

³⁰ Бердяев Н. А. Самопознание. – М., 1998. – С. 304.

³¹ Руткевич А. М. Предисловие. // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М., 1997. – С. 38.

³² Гайденок П. П. Хосе Ортега-и-Гассет и его «Восстание масс». // Вопросы философии, 1989, №4. – С. 168.

³³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Вопросы философии, 1989, №4. – С. 115.

³⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. // Вопросы философии, 1989, №4. – С. 115.

метом изучения социологии, истории, политологии, культурологии, социальной психологии и других общественных наук.

Важной социальной группой, по многим признакам сходной с аристократией, является интеллигенция, обычно определяемая как работники умственного труда, люди с высшим образованием. Интеллигенция, рассматриваемая с этой точки зрения, существует в любом современном обществе. Тем не менее часто интеллигенцию считают чисто российским явлением, определяя аналогичный социальный слой западного общества как интеллектуалов. Данная точка зрения связана с особым, специфическим положением и социальной ролью российской интеллигенции.

Интеллигенция и аристократия являются пересекающимися множествами: определенная часть интеллигентов является аристократами, и наоборот. Совпадать полностью они не могут, поскольку интеллигенция менее традиционна и требует меньшей преемственности, чем аристократия, а аристократия не может целиком составить интеллигенцию. Степень совпадения этих общностей зависит от условий конкретного общества.

Интеллигенция как особая социальная группа возникла в Европе в Средние века на базе университетской культурной среды и уже с этого времени может характеризоваться как носитель традиции свободы (студенческая вольность, поэзия вагантов и т. п.). Однако, как, в частности, отмечает Жак Ле Гофф, тип средневекового интеллектуала резко отличается от интеллектуала эпохи Возрождения, принадлежащего аристократической традиции³⁵. В лице собственно интеллигенции, не связанной с аристократической традицией, мы имеем дело с традицией свободы другого, самостоятельного типа. Эта традиция базируется не на удовлетворении потребностей, а на их ограничении, и, таким образом, опосредованно связана с монашеством и аскетизмом. Она скорее эгалитарна и анархична, чем либеральна, и содержит в себе зародыш будущей социалистической идеологии.

Российская интеллигенция как социальная группа возникла в первой половине девятнадцатого века и изначально воплощала в себе протест против системы самодержавного государства. Аналогичным протестом, укорененным в аристократической традиции, было подавленное незадолго до того движение декабристов. Таким образом, аристократический либерализм, проявившийся в России в деформированной революционно-насильственной форме, был маргинализирован. Российская интеллигенция сформировалась вне связи с аристократической традицией и с тенденцией к замещению ее социальной функции. Сформировавшийся идеал безличного общественного служения (вместо личного служения аристократии) и устойчивая враждебность к имперскому государству, вне которого интеллигенция российского типа невозможна, прочно связали ее с революционной идеологией, приведшей в итоге к крушению российского самодержавия.

После 1917 года российская аристократия как социальная группа была утрачена, и интеллигенция осталась единственным носителем традиции свободы в СССР. Отсутствие аристократии в советском государстве было в значительной мере восполнено интеллигенцией, образ которой сблизился с аристократическим идеалом³⁶. В определенной мере советская интеллигенция играла роль отсутствующей аристократии. Тем не менее следует иметь в виду, что сходство между интеллигенцией и аристократией является вторичным и имеет причиной специфику российского общества. По своей природе российская интеллигенция и аристократия принадлежат различным традициям и политическим направлениям, и аристократия в принципе не могла существовать в советском государстве.

На Западе степень пересечения аристократии и интеллигенции значительно выше. Начиная с эпохи Возрождения западноевропейская интеллигенция в значительной мере воспри-

---

³⁵ См.: Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. / Пер. с фр. – Долгопрудный, 1997.

³⁶ См.: Басина Е. Русская линза. // Родина, 1996, №3. – С. 27—29.

няла аристократическую традицию. Немало интеллигентов были дворянского происхождения, и интеллигенция в целом ориентировалась на аристократическую систему ценностей. Только к XX веку в этой тенденции произошли изменения, приведшие к формированию типа «левого интеллектуала»; тем не менее само существование развитой аристократии на Западе препятствовало оформлению интеллигенции, сходной по типу и функциям с российской.

Выводы:

– В любом человеческом обществе обязательно существует элита, которую можно определить как совокупность людей, которые в силу своего формального либо неформального социального статуса пользуются в обществе значительной известностью и влиянием, выполняют существенную управленческую или культуuroобразующую функцию.

– Аристократия – это общественная группа, образующаяся в результате устойчивой преемственности в формировании элит с высоким социальным статусом.

– Принципиально важную роль в формировании и сохранении аристократии играют гарантии права собственности. Право собственности неразрывно связано с другими личными, политическими и экономическими правами, являясь фактически их основанием.

– С точки зрения древнегреческих философов аристократия – это форма правления меньшинства лучших граждан, которые должны обладать богатством и добродетелью.

– Аристократия часто определяется как сословие. В сословном обществе она действительно является сословием или его частью, однако аристократия может формироваться и без сословной системы, как, например, в США.

– Важной социальной группой, по многим признакам сходной с аристократией, является интеллигенция – работники умственного труда, люди с высшим образованием. По своей природе интеллигенция не тождественна аристократии, однако наряду с ней является носителем традиции свободы. Особая социальная роль российской интеллигенции сформирована специфическими условиями общественного развития.

1.2. Типы аристократий

Конкретные типы аристократии соответствуют типу общества, в котором существует данная аристократия. Таким образом, каждому историческому (формационному) и цивилизационному типу общества соответствует свой тип аристократии. Поэтому, исходя из этих критериев, мы можем выделять, например, аристократию первобытно-родовую, рабовладельческую, феодально-дворянскую, современную; аристократию Западной Европы, России, мира ислама, Индии, Дальнего Востока и других региональных цивилизаций с дальнейшим подразделением на более узкие локальные типы.

Тем не менее мы можем выделить и более общие критерии классификации аристократии. Высокий социальный статус, который является необходимым атрибутом аристократии в силу приведенного выше определения, имеет две основных составляющих: происхождение и богатство. Для причисления социальной группы к аристократии должны иметь место оба фактора, ибо общественное признание важности происхождения есть необходимое условие традиционной преемственности, а богатство, размер которого зависит от условий конкретного общества, необходимо для поддержания свойственного элите образа жизни и связанного с ним социального престижа.

Как правило, мы можем определить тот из этих факторов, который будет преобладать в условиях конкретного общества. Здесь могут иметь место два основных варианта: аристократ либо богат, потому что знатен, либо знатен, потому что богат.

Критерий происхождения является основным применительно к аристократиям, формируемым традиционными обществами. В таких обществах, как родовое или феодальное, особое значение для легитимации элиты приобретает апелляция к авторитету традиции. В сущности, феодальное общество Европы значительно ближе к родовому, чем к рабовладельческому, и феодальная аристократия наследует свой статус от предков – германских племенных вождей. Как будет показано в дальнейшем, это обстоятельство имеет исключительно важное значение в формировании европейской аристократической традиции свободы. Вся элита родового общества строго преемственна и, таким образом, является аристократией; элиты феодального общества также отличаются устойчивой преемственностью. Единственным исключением из этого правила в средневековой Европе является церковная элита, по своей природе не принадлежащая родовому обществу. Тем не менее на всем протяжении Средних веков церковная иерархия постоянно проявляла тенденцию к включению в наследственную преемственность феодальных титулов, и только усилиями римских пап, обращавшихся к высшему авторитету Бога и наследию античности в сфере социального устройства, удалось избежать юридического закрепления этой преемственности. Для этого потребовались такие жесткие меры, как установление папой Григорием VII celibата, то есть обязательного безбрачия для всего духовенства, и запрета родившимся вне брака принимать сан епископа. Таким образом, формирующаяся традиция наследственной передачи церковных постов по примеру языческого жречества родового общества была насильственно прервана путем вмешательства высшей духовной власти.

Положение аристократии по происхождению укрепляется приданием символического, сакрального значения происхождению по крови. Во времена язычества королям приписывалось божественное происхождение: так, например, королева Елизавета II через своих скандинавских и саксонских предков ведет свой род от Одина. В дальнейшем принцип крови распространился на все благородное сословие, что давало аристократам особый статус по праву рождения. Этот статус способствовал развитию аристократического самосознания и укреплению чувства независимости от власти. Титул и богатство можно получить, но аристократом нужно родиться. Знатное происхождение неотъемлемо и неотчуждаемо, независимо от того, является ли оно привилегией или бременем. Как заметил Бердяев, «в человеческом обществе

должны быть такие, которым не нужно возвышать себя, которые свободны от неблагородных черт, связанных с самовозвышением... Должны быть в мире люди, у которых есть прирожденные права, нужен душевный тип, свободный от атмосферы борьбы за приобретение прав»³⁷. Кроме того, древность рода дает особое сознание принадлежности к Вечности и Традиции, трансцендентное по отношению к потоку преходящих событий.

К достоинствам аристократии по происхождению относятся ее устойчивость и стабильность, а также независимость ее статуса от земной власти. Основным недостатком такого принципа формирования аристократии – невозможность ее пополнения выдающимися представителями низших социальных слоев и, как следствие, нарушение естественной структуры общества, при которой место человека в социуме должно в конечном счете определяться его личными качествами и способностями.

В обществах, где роль традиции невелика, аристократия возникает в первую очередь по признаку имущественного положения. Наиболее характерным примером этого является античное рабовладельческое общество, развивавшееся в целом скорее как отрицание, а не продолжение предшествовавшего ему родового общества. В Греции родовая аристократия, игравшая важную роль в раннем рабовладельческом обществе, в дальнейшем в большинстве полисов утратила признаки, позволявшие выделить ее в качестве особой социальной группы. Потомки древних царей либо вообще утратили все атрибуты своего особого статуса, перейдя на положение рядовых граждан, как в Афинах, либо сохранили за собой формальный царский титул. Функции царя в данном случае обычно имели сакрально-жреческий характер, как в Аргосе. В Спарте правили одновременно два царя, которые фактически были наследственными жрецами и полководцами и не должны были играть значительной политической роли. В Афинах наследственная царская власть трансформировалась в ежегодно замещавшуюся должность архонта-басилевса (греч. – царь), который выполнял жреческие функции и председательствовал на судебных заседаниях по делам об убийствах³⁸. В этом крупнейшем греческом полисе древняя родовая знать полностью утратила свой особый статус, перейдя на положение рядовых граждан. В Спарте и некоторых других полисах власть сохранялась за родовой аристократией. Тем не менее в эллинистический период в результате завоеваний Александра Македонского греческий мир разделился на государства, в которых установилась воспринятая из Персии деспотическая власть обожествленных царей, не оставлявшая места политической свободе и не способствовавшая преемственности элит. Родовая знать потеряла свои привилегии окончательно и навсегда, и социальный статус в эллинистическом обществе стал определяться в первую очередь богатством и доступом к власти, а не происхождением.

В Древнем Риме изначально существовала замкнутая группа родовой знати – патриции, которые вели свое происхождение от *patres* (отцов), членов царского сената. В дальнейшем в результате длительной борьбы между патрициями и плебеями возникла новая аристократическая элита – нобилитет, формировавшийся по принципу высокого материального статуса и участия в государственном управлении. Патрициат полностью утратил все реальные привилегии в сфере власти и управления, и критерием принадлежности к нобилитету в начале республиканского периода было богатство. Тем не менее в дальнейшем нобилитет оформился как аристократия по происхождению; более того, после того, как практически все древние патрицианские роды пресеклись, императоры стали жаловать звание патриция как почетный титул. Римская империя, следуя общей парадигме развития позднеантичных монархий, всегда тяготела к деспотизму. Тем не менее в Риме была собственная традиция родовой аристократии, которая прошла через репрессии деспотов и выдержала длительное сосуществование с общеантичной традицией формирования аристократии по имущественному признаку. Впо-

³⁷ Бердяев Н. А. Философия неравенства. – С. 586.

³⁸ Словарь античности. – М, 1993. – С. 628.

следствии она стала одним из источников формирования западноевропейской аристократической традиции, в то время как на востоке империи утвердилась традиция деспотической власти эллинистических монархов.

Преобладание имущественного критерия при формировании аристократии облегчает вертикальную мобильность в обществе и таким образом создает условия для пополнения элиты способными и энергичными выходцами из низов. Недостатками такого способа формирования элиты являются излишнее акцентирование экономического фактора и как следствие вероятность утраты аристократией культурообразующей функции, маргинализация традиции и исторической памяти. Если имущественный критерий формирования элиты является единственным и роль традиции снижена до минимума, то в результате возникает олигархия, сходная с традиционной аристократией, но лишенная значительной части ее достоинств.

В качестве отдельного типа мы выделяем современную аристократию. После того, как в начале XIX века феодальная традиция Европы прекратила свое существование, была подготовлена почва для отмены юридически закрепленных привилегий дворянства. Одновременно значительно усилилось экономическое и особенно политическое влияние буржуазии. В результате на основе дворянства, крупной буржуазии, политической, культурной и научной элит к концу XIX в. сформировалась новая социальная группа – аристократия современного типа, в которой сочетаются генеалогический и имущественный критерии. С одной стороны, сохраняется высокий престиж древних родов и прославленных фамилий; с другой, в современном обществе экономика играет настолько важную роль, что богатство нередко оказывается важнее родословной. Старые капиталистические фамилии, как, например, Рокфеллеры или Дюпоны, составляют неотъемлемую и полноправную часть современной аристократии, и в свете этого особенно заметна роль традиции, отличающей аристократов от нуворишей. Еще одним важным признаком современной аристократии является ее глобальность, отражающая тенденции развития всей цивилизации нашего времени. Локальные аристократии, сохраняя свои особенности и традиции, в наши дни постепенно складываются в мировую аристократическую элиту.

Аристократия сыграла наиболее важную и типичную роль в истории западноевропейской цивилизации. Тем не менее в той или иной мере она существовала в большинстве культур, и предлагаемая концепция применима к ним с учетом местной специфики. В связи с этим генезис западноевропейской аристократии и ее роль в формировании традиции свободы, а также основные особенности российской аристократии будут подробно рассмотрены в третьей главе настоящей работы. В данной главе будет дана характеристика особенностей других основных локальных типов аристократии.

Нужно отметить, что сакрализация происхождения присуща в основном европейской культурной традиции. За ее пределами особого значения не имела даже принадлежность к правящему дому (за некоторыми исключениями: потомки Пророка в странах ислама, Императорский дом Японии, Солнечная и Лунная династии в сфере влияния Индии и др.). В деспотическом государстве, преобладающем в странах Востока, сакральной была только персона монарха в силу занимаемого им положения; в формировании социальной элиты на Востоке преобладали должностной и иерархический принципы, а место в лестнице чинов полностью зависело от воли монарха. Род считался знатным, если его представители из поколения в поколение занимали высокие должности. Знатность сама по себе в этой системе не давала никаких привилегий, и выходец из социальных низов мог при удачном стечении обстоятельств даже занять трон. Такой тип элиты был характерен также для Римской и особенно для Византийской империй, а также для стран византийской сферы влияния. Он необходимо следует из абсолютного верховенства государства и приводит к замкнутости и ксенофобии в общественном сознании, а в дальнейшем – к застою и упадку в экономике и политике. Еще в середине XVII в. славянский мыслитель Юрий Крижанич на примере Турции блестяще охарактеризовал способ формирования элиты при деспотии, которую он называл «людодерством», и его последствия:

«Турки не обращают никакого внимания на родовитость (поскольку никакого боярства там нет), но говорят, что они смотрят на искусность, ум и храбрость. Однако на деле это не так и часто начальниками бывают негодные люди, умеющие лучше подольститься. Так одним махом из самых низших становятся наивысшими, а из наивысших – наинизшими. Такое дело лишает людей всякой храбрости и порождает ничтожество и отчаяние. Ибо никто не бывает уверен в своем положении, богатстве и безопасности для жизни и не имеет причины трудиться ради высокой чести и славы»³⁹.

Отметим, что основным признаком деспотического режима и его отличием от европейского абсолютизма является непризнание государством права собственности граждан и возможность административного присвоения этой собственности⁴⁰. Как было показано в предыдущем параграфе, гарантия собственности и ее наследования является необходимым условием возникновения и существования аристократии. Таким образом, мы можем сделать вывод, что деспотический режим в принципе несовместим с устойчивой наследственной аристократией. Поэтому закономерно, что чем ближе была элита страны к вышеописанному типу, тем труднее идет адаптация европейского либерального идеала к местным условиям.

Характерным примером принципа, лежавшего в основе византийской правящей элиты, является титул порфирогенета (багрянородного), второй после императорского. Этот титул принадлежал ребенку императора, родившемуся во время правления отца в комнате дворца, специально предназначенной для родов императрицы. Таким образом, в отличие от Западной Европы, в Византии были принципиально важны формальные обстоятельства рождения, а не кровь и старшинство. Хотя порфирогенетами обычно были младшие дети императора, наследником тем не менее обычно становился старший сын, что еще раз подчеркивает иные по сравнению с Западом приоритеты. Император-ученый Константин VII, сын Льва VI Философа от четвертого брака, вошел в историю как Багрянородный.

Наличие в странах исламской цивилизации сакральной правовой системы – шариата, не предполагающей сословных делений и относящейся одинаково ко всем мусульманам, не позволило и в дальнейшем сложиться жесткому сословному делению. Разумеется, аристократии возникали, но их возвышение было основано не на каком-либо сакральном или особом правовом основании, а на факте богатства и власти определенных родов, закреплённом традицией. Социальная мобильность в исламском мире была значительно выше, чем в средневековом христианском, и султаны, эмиры, ханы и беки не могли так жестко и четко выделиться из массы народа, как дворянство в христианском мире. Отсутствие ясной сакральной легитимации приводило к относительной неустойчивости государственной власти, которую могли захватывать все, кто имел достаточно силы, вплоть до рабов (рабские династии в Индии и Египте). Но эта неустойчивость компенсировалась громадной устойчивостью быта, регламентированного не государством, а вечным законом шариата⁴¹. Между застойной неподвижностью общественной жизни и нестабильностью политической власти существует прочная взаимосвязь, ибо оба явления проистекают из одной и той же причины – отсутствия сложившейся аристократии. По наблюдению Крижанича, «у французов и испанцев бояре имеют пристойные, переходящие по роду привилегии. И поэтому там ни простой народ, ни воинство не чинят королям никакого бесчестия. А у турок, где никаких привилегий благородным людям, короли завидуют от глуподерзия простых пеших стрельцов. Ибо что захотят янычары, то и должен делать король»⁴².

³⁹ Цит. по: Янов А. Л. Россия: у истоков трагедии. 1462—1584. – М., 2001. – С. 262.

⁴⁰ См.: Янов А. Л. Указ. соч. – С. 270.

⁴¹ Фурман Д. Несостоявшаяся революция. Политическая борьба в Азербайджане (1988—1993 гг.) // Дружба народов, 1994, №4. – С. 149.

⁴² Цит. по: Янов А. Л. Россия: у истоков трагедии. – М., 2001. – С. 268.

В трудах мусульманских государственных деятелей в качестве основного принципа государственного управления провозглашается справедливость, в понятие которой входило не только равенство всех перед законом, но и справедливые налоги и справедливые цены на рынке. Исламская государственная идея провозглашала господство государства над обществом и преобладание государственной собственности, в то время как в частной собственности могло находиться только имущество, созданное личным трудом. Все земли, недра и другие источники богатства рассматривались как общее достояние мусульманской общины. Поскольку, как сказано в Коране, «все имущества принадлежат только Богу»⁴³, то они могли быть в любой момент конфискованы властями. Поэтому богатые люди опасались выставлять напоказ свое состояние, золото и ценности прятали в землю, а дома строили так, чтобы не вызывать зависти или подозрений⁴⁴. Таким образом, и политическая, и экономическая система, основанная на мусульманской культурной традиции, не способствует формированию устойчивой аристократии.

Восточный тип государства не формирует аристократическую традицию, но все же обеспечивает определенную степень преемственности элиты. Кроме того, для исламского мира характерно существование особой группы лиц сакрального происхождения – потомков Пророка, шерифов и сейидов, обладающих привилегированным статусом независимо от имущественного или социального положения. Впервые элиты Европы и Ближнего Востока встретились и претерпели взаимное влияние в эпоху крестовых походов, что привело к возникновению интересного феномена восточного рыцарства, частичному формированию аристократической традиции на Ближнем Востоке и в определенной степени к осознанию аристократами Востока и Запада своего единства независимо от религиозных и культурных различий⁴⁵. В дальнейшем данная культурная традиция на Востоке прервалась в ходе формирования Османской империи, многонационального деспотического исламского государства с жестким военно-бюрократическим типом формирования элиты, и возобновилась уже в процессе формирования современной аристократии.

Политико-культурные условия, сложившиеся в Японии, создали почву для формирования развитой и устойчивой традиционной аристократии по происхождению, весьма сходной с феодальной аристократией Европы. Политический режим средневековой Японии не был разновидностью свойственного азиатскому региону деспотизма, и его конкретная идентичность заслуживает тщательного и всестороннего изучения. В связи с этим обращает на себя внимание успешная интеграция Японии в основанную на европейских ценностях современную цивилизацию, проявляющаяся как в экономике, так и в политике и сочетающаяся со стабильно высокой традиционностью японского общества.

Особого внимания с точки зрения типологии аристократии заслуживает уникальный феномен кастовой системы Индии. Согласно определению, каста – это наследственная эндогамная социальная общность, традиционно специализированная по профессиональной деятельности, взаимодействующая с другими кастами в кастовой системе и занимающая строго определенное положение в социальной иерархии. Таким образом, уникальность индийской социальной структуры и ее отличие от любой сословной организации общества состоит в абсолютной закрытости каст, исключаящей межкастовую мобильность, и полном запрете межкастовых браков, любой вариант которых значительно снижает кастовый статус обоих супругов. Единого мнения о происхождении этой системы на данный момент не существует, но достоверно известно, что в древней Индии существовали четыре закрытых эндогамных общности – варны (брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры), являвшиеся прообразом современных каст.

⁴³ Коран. Сура «ат-Тауба». IX. 34—35.

⁴⁴ Нефедов С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние. // Вопросы истории, 2002, №11. – С. 31—32.

⁴⁵ См.: Юнусов А. С. Восточное рыцарство (в сравнении с западным). // Вопросы истории, 1986, №10. – С. 101—112.

Кастовая система входит в число основных положений индуистской религии и освящена многовековой традицией.

Сохранились легенды о том, что в давние времена варны не были закрытыми и варновая принадлежность могла быть изменена сообразно личным качествам и способностям человека. Однако, согласно индийским представлениям, в Кали-Югу, Эру Мрака, охватывающую обозримое прошлое, современность и уходящую на тысячелетия в будущее, это больше невозможно, и традиционная структура общества может быть сохранена только путем проведения непреодолимых межкастовых границ. Как бы то ни было, в Индии сложилась уникальная традиционная иерархическая система, исключая вертикальную социальную мобильность. В целом можно сказать, что высшие касты – брахманы и пришедшие на смену кшатриям раджпуты – составляют индийский вариант аристократии. Тем не менее проводить знак равенства между ними и аристократией, особенно в наши дни, нельзя, поскольку при абсолютной закрытости каст за многие века их существования была практически утрачена связь между кастовой принадлежностью и имущественным статусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.